

Псевдоним в женской литературе: феминистские аспекты в гендерном контексте

Юлия Галицкая, Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта имени академика В. Лазаряна

Проблема идентичности писателя, автора-женщины, скрывающей свой пол под мужским псевдонимом, бесспорно, имея междисциплинарный характер, вовлекает постмодернистскую множественность научных подходов и методов, что представляет особый интерес в проблематизации культуры постмодерна в целом и в оформлении новой гендерной системы культуры в частности. Акцентуализация специфики псевдонима на основе идей феминистской философии с привлечением герменевтической интерпретации взаимоотношений автора и социокультурного контекста позволяет поместить псевдоним в парадигмальные отношения знака/символа, смысла/имени, нарратива и гендера, культуры и истории. В данном контексте рассматривается как андрогинная поэтика, так и гинокритика в их связи с общим теоретическим характером приоритетов феминистской критики и гендерных исследований. Замена имени как «замена ярлыка» или полная анонимность анализируется на примерах Дж. Элиот, Д. Остен, В. Вульф, Ли Харпер, Дж. Румельт, С. Шелдон, Т. Бэгшоу, М. Вовчок, Л. Косач и др. В современном дискурсе социально и культурально значимые черты личности автора произведения, как правило, не воспроизводят бинарно-оппозиционную идентичность. В постсовременном контексте андрогинная («универсальная») идентичность также находится в процессе трансформации и зачастую репрезентируется в дискурсах бисексуальности (Дж. Ирвинг «В одном лице»). В то же время необходимо признать, что гендерно-нейтральная концепция рациональность/эмоциональность автора произведения не оказала заметного влияния на проблему изменений идентичности автора-писательницы. Однако традиционное представление о женском опыте бытия как о вторичном и несущественном теряет свое доминирующее положение в обществе постмодерна с его теоретической установкой на принципиальное многообразие познавательных перспектив. Поскольку «женская литература» – даже в списке признанных бестселлеров – объединяет очень разные произведения и в жанровом, и в стилевом отношении, сложно рассматривать в одном ряду романы Ш. Бронте и М. Митчел, Л. Мориарти и Дж. Элиот, В. Вулф и Ли Харпер. Отсюда – некая размытость исторических периодов и литературных стилей, которой трудно избежать в анализе псевдонимов писателей-женщин в подобной статье как специфическом жанре научного исследования.

Ключевые слова: нарратив, культура, междисциплинарность, женский опыт, андрогиния, идентичность, гендер

Alias in women's literature: feminist aspects in a gender context

Iuliia Galytska, Dnipro National University of Railway Transport named after academician V. Lazaryan

The problem of the identity of the woman hiding her gender under a male pseudonym makes us recollect U. Eco's arguments about the truth and the purpose of literature as well as A. F. Losev's ideas about the name and the meaning, the theories of the feminist literary critics K. Millett, M. Ellman, T. Moi, E. Showalter, etc. who have presented "women's writing" and "writing about women" in the feminist field. As one of the central principles of feminist criticism is that no scientific view can ever be neutral, the problem of pseudonyms occupies an important place in the contemporary gender studies, explicitly or implicitly highlighting the artificially constructed debate, which divides "serious male literature" and "superficial and secondary female writing". On the one hand, this is the problem of feminism itself, on the other, it is a question of the role and place of the woman in the world's culture and history. In this kind of the analysis we cannot ignore such an epiphenomenon of postmodernism as "label change" with the postmodern emphasis on the sociocultural role of the context, which is especially relevant in aspects of the gender "name problem". The last one, undoubtedly, is included in the problematization of postmodern culture on the whole, since all cultural narratives have always been gender "stories". Today an individual construct his or her gender-reflecting reality, still the modelling of the new gender system is far from being complete. The created sign systems are ambivalent, the meanings are very unstable and can easily be hermeneutically interpreted. However, the role of hermeneutics in analyzing the relationship between the author and the sociocultural context is in the core of the gender aspects of literature, in general, and in the problems of the pseudonym

as a change of "name", in particular. The latter is by all means relevant and important. Undoubtedly, one of the main incentives for feminist scholars in their turn to women's literature is connected with the patriarchal demand for women's "silence", their "dumbness" in culture and, accordingly, in literature. Obviously, there are two main interpretations of the concept of "female literature" in feminist criticism. The first one is the representation of female subjectivity in its difference from the male one. The second approach is the representation of "non-essentialist" female subjectivity, which is understood as the logical structure of the difference. In general, in the patriarchal dichotomy of the femininity and masculinity "women who write" are always dangerous. "Three strange sisters" – Anne, Charlotte and Emily Bronte wrote their novels under disguise of male pen names, exactly specifying two conceptual motives: the "Other" concept and the image of "Veil". In this context the motive of androgyny is also important from the point of view of both analysis and literary criticism. In XIXth century George Sand (Aurora Dupin), having most vividly represented this concept, became an example for many subsequent generations of feminists – writers, actresses and media representatives. However, in our era of gender plurality, the question of the pseudonym as a problem of "genders" is not so relevant; more likely it is still a question of the priorities in the feminist theory. In the contemporary discourse of literary criticism many of the author's socially significant features are perceived as gender neutral. In the postmodern paradigm the question of the androgynous identity of the man/woman writer requires its further actualization as the androgynous is often replaced by the bisexuality (J. Irving' "In One Person"). In general, it should be recognized that postmodern approaches to gender identity, which paint a "picture of the world" today, transform the female experience of being as the "Other", secondary and insignificant with a conceptual orientation to a fundamental variety of postmodern cognitive perspectives.

Keywords: *narrative, culture, interdisciplinary approach, women's experience, androgynous nature, identity, gender*

Псевдонім у жіночій літературі: феміністські аспекти в гендерному контексті

Юлія Галицька, Дніпровський національний університет залізничного транспорту імені академіка В. Лазаряна

Проблема ідентичності письменника, автора-жінки, що приховує свою стать під чоловічим псевдонімом, безперечно, маючи міждисциплінарний характер, залучає постмодерністську множинність наукових підходів і методів, що становить особливий інтерес у проблематизації культури постмодерну загалом і в оформленні нової гендерної системи культури зокрема. Акцентуалізація специфіки псевдоніма на основі ідей феміністської філософії із залученням герменевтичної інтерпретації відносин автора й соціокультурного контексту дозволяє помістити псевдонім у парадигмальні відношення знака/символу, сенсу/імені, нарратива й гендера, культури та історії. У цьому контексті розглядається як андрогінна поетика, так і гінокритика в їх зв'язку із загальним теоретичним характером пріоритетів феміністської критики й гендерних досліджень.

Заміна імені як «заміна ярлика» або повна анонімність аналізується на прикладах Дж. Еліот, Д. Остен, В. Вульф, Лі Харпер, Дж. Румельт, С. Шелдон, Т. Бегшоу, М. Вовчок, Л. Косач та ін. У сучасному дискурсі соціально й культурально значущі риси особи автора твору, як правило, не відтворюють бінарно-опозиційну ідентичність. У постсучасному контексті андрогінна («універсальна») ідентичність також перебуває в процесі трансформації і часто репрезентується в дискурсах бісексуальності (Дж. Ірвінг «В одній особі»).

Водночас необхідно визнати, що гендерно-нейтральна концепція раціональності/емоційності автора твору не мала помітного впливу на проблему змін ідентичності автора-письменниці. Проте традиційне уявлення про жіночий досвід буття як про вторинний і несуттєвий втрачає своє домінуюче становище в суспільстві постмодерну з його теоретичною установкою на принципове різноманіття пізнавальних перспектив.

Оскільки «жіноча література» – навіть у списку визнаних бестселерів – об'єднує дуже різні твори і за жанром, і за стилем, складно розглядати в одному ряду романи Ш. Бронте і М. Мітчел, Л. Моріарті й Дж. Еліот, В. Вульф і Лі Харпер. Звідси – деяка розмитість історичних періодів і літературних стилів, якої важко уникнути в аналізі псевдонімів письменників-жінок у такій статті як специфічному жанрі наукового дослідження.

Ключові слова: *нарратив, культура, міждисциплінарність, жіночий досвід, андрогінія, ідентичність, гендер*

Постановка проблемы.

При всем понятном искушении начать с того, что «роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет», замысел статьи (с понятной аллюзией) заставляет обратиться как к рассуждениям У. Эко о природе и назначении литературы в его первом и самом знаменитом романе «Имя Розы» [14], так и к собственно философской концепции А. Ф. Лосева об имени как «смысле, обращенном в иное» в его первом и не менее знаменитом труде «Философия имени» [7].

Проблема идентичности писателя, не только скрывающего свое имя, но и называющего себя другим, автора-женщины, скрывающей свой пол под мужским псевдонимом, бесспорно, имеет междисциплинарный характер, вовлекая и литературную критику, и психоанализ, и философию, и гендерные исследования. Последнее в данном случае находится в центре анализа, что не отвергает, но напротив – подчеркивает постмодернистскую множественность научных подходов и методов. С одной стороны, это проблема собственно феминизма, в конце XX – начале XXI в. – гендера, с другой – это вопрос так называемой женской литературы, ее места и роли в мировой культуре. Очевидно, что в подобном исследовании нельзя обойтись без акцентуализации такого частного герменевтического феномена, как «подмена ярлыков» ("label change") и общей постмодернистской проблемы «Чужой», «Иной», «Третий». Бесспорно, как всегда и везде, роль контекста не может остаться без внимания, что особенно актуально в аспектах гендерной реальности «имени». Последнее в широком смысле входит не только в сферу феминистской критики, но и в проблематизацию культуры постмодернизма в целом, поскольку все нарративы культуры всегда и везде являются гендерными «историями». Человек моделирует рефлекслируемую им действительность гендерно, психология и мышление на протяжении тысячелетий работали – и работают – именно так, несмотря на все постмодернистские «требования времени», настойчиво и уверенно изменяющие сегодня традиционно бинарную «картину мира». Оформление новой гендерной системы культуры далеко от своего завершения, поскольку создаваемые знаковые системы «по определению» должны представлять одинаковую важность для всех социальных «актеров» и «агентов», однако «смыслы» весьма неустойчивы и легко поддаются герменевтической интерпретации в разнообразных и изменчивых контекстах. Последнее – несовпадение гендерных интерпретаций – демонстрирует достаточно устойчивую социокультурную тенденцию.

Псевдоним по-прежнему важен в своей интриге знака/символа и смысла, поскольку именно «имя» является непосредственным отпечатком, той «отчеканенной монетой», той материальной формой идей и образов, которые определяют нарративы культуры и истории.

Цель работы – раскрыть специфику трактовки псевдонимов в женской литературе на основе анализа идей как феминистской философии, так и гендерной теории с привлечением герменевтической интерпретации проекции взаимоотношений автора и социальной среды.

Анализ исследований и публикаций.

Появившаяся в научном дискурсе конца 60-х годов прошлого века категория «гендер» в её основном значении социокультурного пола открыла, как известно, «шлюз» возможностей для феминистского анализа патриархатной культуры в широком и разнообразном теоретическом поле (системы доминирования и власть, политика и экономика, равноправие и угнетение и т.д.). В целом феминистическая теория с начала 70-х годов погружается в анализ «текстов», совершая феминистическую ревизию философии, политической теории, истории [21]. В то же время «женщина» и «фемининность», «природа» женщины, ее субъективность и идентичность становятся приоритетными темами в исследованиях женской литературы в частности и литературной критики в целом. Одновременно публикуются различные антологии писателей-женщин [15].

То, что именно литература оказалась в центре внимания феминистической теории в 70-х годах, является уже аксиомой, как и признание того факта, что благодаря феминисткам «новой волны», в первую очередь К. Миллет, впервые широкой общественностью стала осознаваться проблема женской литературы и женщины-писательницы. Затронутые К. Миллет вопросы о связи фемининности и её репрезентации в литературе стали приобретать решающее значение для дальнейших феминистических исследований [24]. Инициировав не только литературно-культурологический, но и социально-политический проект феминистско-литературной критики, К. Миллет сделала его центральным в феминистской «повестке дня» [25]. Последнее, обострив интерес к «женской литературе», вызвало целый ряд публикаций, сделавших предметом своих изысканий творчество писателей-женщин в ключе не только феминистской, но и гендерной проблематики. Это фундаментальные работы Д. Спендер, Дж. Тодд, С. Джилборт, С. Губар, Т. Мои, Э. Шоултер, Дж. Гальперин, Э. Шоре, О. Клиг и многих

других западных ученых [2]. Отдельного упоминания заслуживает работа Э. Шоре, в которой критик показывает, с использованием каких аргументов писательницам отказывали в том признании, которого они заслуживали. Первая тенденция, по словам Э. Шоре, связана с так называемым «мужским покровительством», уверенностью в том, что творчество писательниц сопровождалось, как правило, мужской поддержкой (в украинском контексте – покровительство И. Тургенева над Марко Вовчок или М. Е. Салтыкова-Щедрина над Н. Д. Хвощинской). Вторая тенденция связана с ироничным отношением мужчин-критиков к произведениям писательниц как к «несерьезной литературе». И третья тенденция репрезентирует принижающее отношение к женскому произведению в целом как к жанру мелкой развлекательной литературы [12].

Бесспорно, один из главных побудительных мотивов обращения к женской литературе ученых-феминисток был связан с патриархатной проблемой женского «молчания», их «немоты» в культуре и, соответственно, в литературе. Как пишут исследователи, несмотря на все достижения «третьей волны» феминизма в борьбе за равноправие женщин, реальное равенство женщин все еще остается заветной мечтой, недостигнутой целью женщин, составляющих большую половину населения и сегодня зачастую «невидимых в мире, спроектированном для мужчины» [26].

В Украине гендерные исследования (как, впрочем, и на всем постсоветском пространстве), в целом, начались с темы женской литературы, с феминистской литературной критики. Основные тезисы этой критики, считает украинская исследовательница И. Жеребкина, базируются на требовании «пересмотра традиционных взглядов на литературу и практику письма» [5, с. 135]. В феминистской литературной критике существуют, как отмечают ученые, две основные трактовки понятия «женской литературы». Первая – это репрезентация женской субъективности в ее отличии от мужской. Вторая – репрезентация «неэссенциалистской» женской субъективности, когда сама субъективность понимается как логическая структура различия, и язык, соответственно, призван репрезентировать практику письма как различия. Однако, замечает И. Жеребкина, в обоих вариантах репрезентация женского имеет коннотации политического: «репрезентация женского в любых вариантах способна модифицировать традиционные патриархатные структуры репрезентации/власти» [6, с. 174].

Несомненно, женскую литературу нельзя рассматривать отдельно от литературы мужской. В. По-

гребная справедливо замечает: критики-феминисты дают свою интерпретацию женской прозы, главное – не навязывать ее, не воспринимать как догму [10, с. 20]. Нельзя не согласиться с Э. Шоре, которая утверждает, что литературные тексты представляют собой важные источники в раскрытии «картины мира» независимо от того, написаны они женщинами или мужчинами [12]. Однако мышление в терминах гендера переносит феминистскую критику с маргинеса в центр. «Другая»-женщина, пишет Э. Шоултер, может показаться призрачной, но «для нас она полна жизни, значима и необходима» [13].

Изложение основного материала. Поскольку термин «женская литература» объединяет самые разнообразные произведения и в жанровом отношении, и по уровню их художественных достоинств, сложно рассматривать в одном ряду даже известные признанные во всем мире произведения, такие как «Джен Эйр» Ш. Бронте и «Унесенные ветром» М. Митчелл, «Большая маленькая ложь» Л. Морисарти и «Мидлмарч» Дж. Элиот, «К маяку» В. Вулф и «Рассказ служанки» М. Этвуд (подчеркнем, все перечисленные произведения – их список можно продолжить – являются бестселлерами). Отсюда и определенная «размытость» границ исторических периодов и литературных стилей, которой трудно избежать в подобной статье, наряду с некоторой неопределенностью целевых установок гендерных и собственно феминистских исследований.

Вопрос псевдонима в наше время, время расцвета «гендеров», связан с вопросом общего теоретического характера приоритетов феминистской критики и гендерных исследований. В нашей стране и в целом на постсоветском пространстве термин «гендер», начиная с 90-х годов прошлого века, уверенно вытесняет термин феминизм, становясь во многих случаях его полным синонимом. Весьма существенным остается тот факт, что в западной научной литературе этого же периода не уступил – и не уступает – свое место «гендеру», включая его в большинстве случаев в «имя», и концепт феминизма. Такие классики-феминисты, как С. Кэрролл, Э. Патеман, Л. Зерилли пишут о «феминистских вызовах» науке, признанные авторитеты гендерных исследований Л. Николсон, С. Хардинг, Н. Фрейзер и многие другие в заглавие своих статей также выносят слово «феминизм» [20]. Стоит отметить, что эта тенденция сохраняется и сегодня [16]. При этом в российских академических изданиях, включающих статьи упомянутых выше авторов, в заглавия выносятся слово «гендер» [3]. Интересным представляется тот факт, что в обширном издании, указанном выше, «гендер» во всех случаях

выступает синонимом феминизма, поскольку об участии ЛГБТ-содружеств в «реконструкции политических систем» речь не идет ни в одной статье. На этом фоне несколько более корректно выглядит совместное немецко-русское академическое издание, посвященное исследованиям в истории, литературе, лингвистике и культуре, которое в свое титульное название включает «пол» и «гендер» [11].

Бесспорно, различия между «полом» и «гендером» указаны и проиллюстрированы во множестве работ, но также представляется безусловным и тот факт, что «феминизм» как термин и «ярлык» научных работ в поле постсоветского пространства не актуален, в то время как в западной науке феминизм как определение научной теории занимает по-прежнему важное место, играя при этом существенную роль и в практических действиях женщин самого разного политического и социального уровня.

Подъем как гендерной теории, так и феминистской критики во второй половине 80-х – начале 90-х годов прошлого века центрирован в основном на сопоставительном изучении половых различий – в психоанализе, литературе, культуре в целом. В данном контексте определенный интерес представляет андрогинная поэтика, которая имела – и имеет – множество приверженцев среди женщин-писателей. Например, известная современная писательница К. Оутс, выступая против понятий «женщина» и «гендер» в искусстве, замечает, что содержание произведения определяется культурой, а не гендером. А воображение, само по себе лишнее гендера, позволяет нам все [13, с. 320]. Необходимо заметить, что термин «андрогинная личность» в своем самом простом значении как идентичность, соединяющая мужские и женские черты, в последние полвека не покидает теоретическое поле как психологии, так и гендерных исследований, философии в целом [1]. Имея в своей истории несколько тысячелетий (как известно, в религиозной мифологии многих народов упоминается, что первочеловек был создан андрогинным, такова одна из талмудических трактовок первых глав Книги Бытия), опираясь на мощную и красивую трактовку андрогина Платоном, идея об андрогинах символизирует идею о целостной природе человека [9]. И здесь, бесспорно, прослеживается связь с проблемой псевдонима. Самый известный, например, Жорж Санд (Аврора Дюдеван), баронесса, курящая сигары, шокировавшая обывателей мужскими костюмами, хриплым голосом и множеством любовных связей и с мужчинами, и с женщинами [19]. Стоит также особо отметить ее любовную связь с женственным Альфредом де Мюссе. Возможно, ее андрогинность связана со

стремлением доминировать в их сексуальных отношениях. Жорж Санд ярко репрезентирует модель андрогинии: у поведения не должно быть гендера. Здесь стоит вспомнить, что Лакан в своей экспозиции «гетеросексуальной комедии» объясняет, что кажущееся обладание фаллосом заставляет женщин прибегать к «маскараду» [28, р. 58]. Попутно следует заметить, что некая репрезентативность бисексуальности являлась политическим тезисом феминисток – писательниц, актрис, публичных личностей, начиная с классики феминизма до феминизма Уолстонкрафт (*The Great Wollstonecraft Scanded of 1798*) [23, р. 58]. В контексте андрогинии уместно вспомнить и такую культовую фигуру, как М. Дитрих, хотя она и не использовала псевдоним. Дитрих – одна из самых легендарных актрис «золотой эры» Голливуда, девушка из «гендерно-смешанных» кабаре Веймара и Берлина, носила с одинаковым шиком и коктейльные платья, и «андрогинные» мужские костюмы, бросившая вызов условным ценностям, отыскивающая свой собственный андрогинный образ и следовавшая ему на своих собственных условиях [22].

Бесспорно, прежде всего, мужские псевдонимы принимались женщинами для того, чтобы их творчество воспринималось серьезно: писательство никогда не рассматривалось в качестве подходящей карьеры для женщины, и женщинам всегда приходилось преодолевать многочисленные препятствия, связанные с их несоответствующим полом. Известно высказывание В. Вулф о том, что женщины писали под псевдонимами с незапамятных времен иногда по собственному желанию, чтобы остаться анонимом, но обычно для того, чтобы их произведения были прочитаны широкой аудиторией, а в некоторых случаях – вообще приняты к публикации. И в наше время, отмечает П. Сиурэри, к огромному сожалению, особенно в некоторых жанрах все еще гораздо выгоднее быть автором-мужчиной, например, в жанре криминально-детективной прозы и научной фантастики [19]. В целом в патриархатной культуре (актуальной и поныне) женщины, которые пишут, опасны [17]. «Три странные сестры» из Йоркшира – сестры Бронте, давшие миру бестселлеры, вошедшие в канон не отдельно женской, но и мировой литературы, писали свои романы под маской мужских имен, совершенно точно определяя два мотива, которые впоследствии станут концептуальными для гендера: мотив «Другой» и образ «Вуали». «Джейн Эйр» Ш. Бронте была опубликована под псевдонимом Currier Bell, Анна и Эмили Бронте писали под "Nom de Plume" Acton Bell.

Мери Энн Эванс – писатель мирового уровня, известная читателям под именем Джордж Элиот,

остроумно заметила в своем эссе о женщинах-писателях, что в силу какой-то специфической регулировки термометра, когда женский талант приближается к нулю, оценка журналистов достигает точки кипения, когда он находится на уровне посредственности, то температура держится в пределах летней жары, но когда писательница достигает совершенства, энтузиазм критиков падает до точки замерзания.

Еще одна интересная тенденция «имени» автора-женщины – это предпочтение анонимности, подписи "Анон". В. Вульф, по ее словам, «рискнула» предположить, что многие "Анон", которые опубликовали множество поэтических произведений, не подписывая их, были женщинами. Джейн Остен подписала свой первый роман «Здравый смысл и чувствительность» словами «Сочинения одной дамы». Все ее романы вышли в свет анонимно. Брат Джейн Остен в своих «Мемуарах» утверждал, что, проживи она дольше, «никакая слава не заставила бы ее поставить свое имя ни на одном произведении ее пера» [8, с. 194].

Стоит отметить, что, публикуя свой знаменитый роман «Убить пересмешника» в изменившейся гендерной ситуации середины XX в., американская писательница Ли Харпер отказалась от своего первого определенно женского имени Нелли, оставив вторые Ли, что сделало её гендер неопределенным и непонятным.

Справедливости ради необходимо вспомнить и о том, что некоторые писательницы брали не мужской, но женский псевдоним, например Джудит Румельт, современная американская писательница, известная как автор серии книг «Орудия смерти» и «Адские механизмы», публиковала свои романы-фэнтези под псевдонимом «Кассандра Клэр», частично позаимствовав это имя из произведения Дж. Остен «Прекрасная Кассандра». В современной западной масс-культуре есть интересные примеры «гибридного» авторства с определенной гендерной доминантой.

Например, Тилли Бэгшоу после смерти Синди Шелдона – автора бестселлеров, изданных тиражами почти в полмиллиарда, самого переводимого автора-романиста в мире, пишет и публикует сиквелы его романов под его же именем; ее имя, как правило, указано как «примечание» ("Master of the Game", "After the Darkness", "Angel of the Dark" etc.).

Переходя к украинским писательницам, то первое имя, которое, несомненно, стоит вспомнить, это Марко Вовчок – Мария Александровна Вилинская. Под влиянием классика украинской литературы Т. Шевченко писательница-полька по крови

писала свои произведения на украинском языке. Ученые-литературоведы до сих пор ведут дискуссии относительно выбора ее мужского псевдонима. Многие полагают, что в нем присутствует гендерный мотив, как отображение маскулинности ее внутреннего «я», другие видят в нем репрезентацию стремления к «мужской» борьбе, поскольку «волк» (пусть и в уменьшительно-ласкательном варианте) – это зверь-хищник. Однако существует и версия без гендерных импликаций. Госпожа Вилинская пришла в украинскую из русской литературы, что негативно воспринималось литературной критикой того времени (например, В. Белинским), отсюда – и мужской псевдоним, как более безопасное и надежное «прикрытие».

Не вдаваясь в гендерную историю другой знаменитой украинской писательницы Леси Украинки (Ларисы Косач), следует заметить, что в этой истории есть некая традиция: мать Леси Украинки Ольга Косач публиковалась под псевдонимом Олена Пчилка, а Александра Судовщикова – Косач – под мужским псевдонимом Грицько Григоренко [4].

Выводы.

В современном дискурсе литературной критики многие социально значимые черты личности автора произведения воспринимаются как гендерно-нейтральные: в массовом сознании нормативные линии феминистских черт, как правило, уже не выглядят так альтернативно («или-или»). Так, философия постфеминизма, сближаясь с гендерными исследованиями, формирует стратегически новые социальные структуры. Поскольку в гендерной философии не воспроизводится традиционная бинарно-опозиционная идентичность, проблема мужского псевдонима сегодня теряет свою гендерную актуальность, оставаясь в поле феминистской концептуализации патриархатного прошлого: принятие мужского псевдонима женщиной-писательницей в постмодерне остается вопросом феминизма во всех его отличиях от гендерных исследований. Однако, поскольку именно культура оказывает решающее влияние на отношение к псевдонимам – мужским или женским – исследование псевдонимов в ретроспективе дают возможность новых подходов к анализу идентичности человека – мужчины или женщины в целом и идентичности как автора, так и нарратора произведения в частности. И в данной парадигме вопрос андрогинной идентичности писателя/писательницы также требует своей акцентуализации. Будучи представленной в художественной литературе последних лет (например, роман Дж. Ирвинга "In One Person", где бисексуальность является, собственно, синонимом андрогинности),

эта проблема не репрезентується в постсучасних літературних дискурсах псевдонімів. В той же час необхідно визнати, що гендерно нейтральна концепція раціональності/емоційності автора твору, являючись соціокультурним конструктом, не мала помітного впливу на зміну підходу до ідентичності автора-писательниці.

С іншої сторони, традиційні представлення про жіночий досвід буття, як про «Інше», другорядне і несуттєве, безсумнівно, все ще «малюють» картину світу, явно втрачаючи свою домінуючість в постмодернізмі з його концептуальною установкою на принципове різноманітність поглядів.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ

1. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. Москва : РОССПЭН, 2004. 336 с.
2. Власова Т. И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии. Киев : Генеза, 2006. 206 с.
3. Гендерная реконструкция политических систем / ред.-сост. Н. М. Степанова и Е. В. Кочкина. Санкт-Петербург : Алатейя, 2004. 992 с.
4. Дей О. І. Словник українських псевдонімів та криптонімів (XVI-XX ст.). Київ : Наук. думка, 1980. 559 с.
5. Жеребкина И. «Прочти моё желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. Москва : Идея-Пресс, 2000. 256 с.
6. Жеребкина И. Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует. Санкт-Петербург : Алатейя, 2003. 256 с.
7. Лосев А. Ф. Философия имени. Москва : Академический Проект, 2009. 300 с.
8. Моэм У. С. Искусство слова. Москва : Худ. лит-ра, 1989. С. 194.
9. Платон. Избранные диалоги. Москва : Худ. лит-ра, 1965. 142 с.
10. Погребная В. Л. Проблемы эмансипации женской личности в русской критике и романах Н. Д. Хвощинской (60-80-е годы XIX столетия). Запорожье : ЗТУ, 2003. 242 с.
11. Пол. Гендер. Культура / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер, Г. Зверевой. Москва : Фрайбургский ун-т, РГГУ, 2009. 530 с.
12. Шоре Э. Феминистское литературоведение на пороге XXI века. Литературоведение на пороге XXI века. Москва : Рандеву – АМ, 1998. С. 97–103.
13. Шоултер Э. Наша критика: автономность и ассимиляция в афро-американской и феминистской теории литературы. *Современная литературная теория. Антология*. Москва : Флинта; Наука, 2004. С. 315-334.
14. Эко У. Имя розы. Москва : АСТ, Cortus, 2011. 672 с.
15. *Anthology of British Women Writers* / eds. by D. Spender, J. Todd. London : Pandora, 1989. 925 p.
16. Askerly B. *Doing Feminist Research in Political and Social Science*. Palgrave, 2010. 303 p.
17. Bollman S. *Women Who Write Are Dangerous*. Abbeville Press, 2018. 168 p.
18. Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York and London : Routledge, 1999. P. 58.
19. Ciuraru C. *Nom de Plume: A (Secret) History of Pseudonyms*. Harper Perennial, 2012. 400 p.
20. *Feminism. Postmodernism* / ed. L. J. Nicholson. New York and London : Routledge, 1990. 348 p.
21. *Feminist Interpretations and Political Theory* / eds. M. L. Shanley and C. Pateman. Pennsylvania State University : Polity Press, 1991. 288 p.
22. Gortner C. W. *Marlene. William Morrow Paperbacks*, 2016. 436 p.
23. Kirkham M. *Jane Austen, Feminism and Fiction*. Brighton, 1983. 187 p.
24. Millet K. *Sexual Politics*. Columbia University Press, 2016. 416 p.
25. Minogue S. *Problems for Feminist Criticism*. New York : Routledge, 2014. 256 p.
26. Perez C. C. *Invisible Women: Data Bias in a World Designed for Men*. Harry A., 2019. 272 p.

REFERENCES

1. Bem, S. (2004). *Linzy gendera. Transformacija vzgljadov na problemu neravenstva polov* [Gender lenses. Transformation of views on gender inequality]. Moskva: ROSSPJeN [in Russian].
2. Vlasova, T. I. (2006). *Formirovanie gendernyh stereotipov v zapadnoevropejskoj filosofii* [Forming of gender stereotypes in Western European philosophy]. Kiev: Geneza [in Russian].
3. Stepanova, N. M., & Kochkina, E. V. (Eds.). (2004). *Gendernaja rekonstrukcija politicheskikh system* [Gender reconstruction of the political systems]. Sankt-Peterburg: Alatejja [in Russian].
4. Dei, O. I. (1980). *Slovyk ukrainskykh psevdonimiv ta kryptonimiv (XVI-XX st.)* [Dictionary of the Ukrainian pseudonyms and kryptonims (XVI - XX century)]. Kyiv: Nauk. Dumka [in Ukrainian].
5. Zherebkina, I. (2000). «Prochti mojo zhelanie...». *Postmodernizm. Psihoanaliz. Feminizm* ["Read my desire...". Postmodernism. Psycho-analysis. Feminism]. Moskva: Ideja-Press [in Russian].
6. Zherebkina, I. (2003). *Gendernye 90-e, ili Fallosa ne sushhestvuet* [Gender in 90th, or Phallus does not exist]. Sankt-Peterburg: Alatejja [in Russian].
7. Losev, A. F. (2009). *Filosofija imeni* [Philosophy of the name]. Moskva: Akademicheskij Proekt [in Russian].
8. Mojem, U. S. (1989). *Iskusstvo slova* [The art of a word]. Moskva: Hud. lit-ra [in Russian].
9. Platon. (1965). *Izbrannye dialogi* [Selected dialogues]. Moskva: Hud. lit-ra [in Russian].
10. Pogrebnaia, V. L. (2003). *Problemy jemansipacii zhenskoi lichnosti v russkoj kritike i romanah N. D. Hvozhinskoi (60-80-e gody XIX stoletija)* [Problems of emancipation of a female individual in Russian criticism and novels of N. D. Hvozhinskoi (60-80th of XIX century)]. Zaporozh'e: ZTU [in Russian].

11. Shore, Je., Hajder, K., & Zvereva, G. (Eds.). (2009). *Pol. Gender: Kul'tura [Sex. Gender: Culture]*. Moskva: Frajburgskij un-t, RGGU [in Russian].
12. Shore, Je. (1998). *Feministskoe literaturovedenie na poroge XXI veka [Feminist literary criticism on the threshold of XXI century]*. *Literaturovedenie na poroge XXI veka – Literary criticism on the threshold of XXI century*. (pp. 97–103). Moskva: Randevu – AM [in Russian].
13. Shouolter, Je. (2004). *Nasha kritika: avtonomnost' i assimiljacija v afro-amerikanskoj i feministskoj teorii literatury [Our criticism: autonomy and assimilation in the afro-american and feminist theory of literature]*. *Sovremennaja literaturnaja teorija. Antologija – Modern literary theory. Anthology*. Moskva: Flinta; Nauka [in Russian].
14. Jeko, U. (2011). *Imja rozy [Rose's name]*. Moskva: AST, Cortus [in Russian].
15. Spender, D., & Todd, J. (Eds.). (1985). *Anthology of British Women Writers*. London: Pandora.
16. Askerly, B. (2010). *Doing Feminist Research in Political and Social Science*. Palgrave.
17. Bollman, S. (2018). *Women Who Write Are Dangerous*. Abbeville Press.
18. Butler, J. (1999). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York and London: Routledge.
19. Ciuraru, C. (2012). *Nom de Plume: A (Secret) History of Pseudonyms*. Harper Perennial.
20. Nicholson, L. J. (Ed.). (1990). *Feminism. Postmodernism*. New York and London: Routledge.
21. Shanley, M. L., & Pateman, C. (Eds.). (1991). *Feminist Interpretations and Political Theory*. Pennsylvania State University: Polity Press.
22. Gortner, C. W. (2016). *Marlene*. William Morrow Paperbacks.
23. Kirkham, M. (1983). *Jane Austen, Feminism and Fiction*. Brighton.
24. Millet, K. (2016). *Sexual Politics*. Columbia University Press.
25. Minogue, S. (2014). *Problems for Feminist Criticism*. New York: Routledge.
26. Perez, C. C. (2019). *Invisible Women: Data Bias in a World Designed for Men*. Harry A.

Галицька Юлія Володимирівна

Аспірантка

Дніпровський національний університет
залізничного транспорту імені академіка В. Лазаряна
49010, м. Дніпро, вул. Лазаряна, 2

Email: firstwriter2013@gmail.com

Galytska Iuliia

Ph.D. Student

Dnipro National University of Railway Transport named
after Academician V. Lazaryan
2, Lazaryana str., Dnipro, 49010, Ukraine

ORCID: 0000-0001-5364-9717

Цитування: Галицька Ю. В. Псевдонім у жіночій літературі: феміністські аспекти в гендерному контексті. *Науково-теоретичний альманах «Грані»*. 2020. Т. 23, № 4. С. 28–35.

Citation: Galytska, Iu. V. (2020). Pseudonym u zhinochii literatury: feministiski aspekty v hendernomu konteksti [Alias in women's literature: feminist aspects in a gender context]. *Scientific and theoretical almanac «Grani»*, 23 (4), 28–35.

Стаття надійшла / Article arrived: 10.03.2020